

СМЫСЛОВЫЕ ОППОЗИЦИИ В ПЕРЕВОДЕ: ОБРАЗ – ПРАГМАТИКА – РЕФЕРЕНЦИЯ

Н.В. Иванов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье предпринимается попытка развить аналитику смысла в переводе и на этой основе раскрыть характерные для перевода механизмы эквивалентного выбора. Автор рассматривает перевод с семиотических позиций, принимая за основу семиотику речевого знака (знака в его деятельностно-речевом рассмотрении). В структуре речевого знака автор противопоставляет смысл референции. Референция служит идентификации обозначаемого объекта, смысл служит интерпретации. В рамках смыслового аспекта содержания речевого знака автор выделяет: 1) смыслы, способные определять предметное значение, и 2) смыслы, не способные определять значение. В соответствии с вводимым разграничением анализируются примеры эквивалентного выбора в переводе. Автор приходит к выводу, что отношение интерпретации в переводе предстаёт в перевёрнутом виде: трансформационным, т.е. вариативным, аспектом является референция, инвариантной основой перевода является смысл. В целях сохранения заданной смысловой нагрузки переводчик вынужден менять референцию. Таким образом, интерпретация в переводе развивается от смысла к референции. Рассматриваются случаи эквивалентного перехода от образа (стиля) к прагматике и от прагматики к референции. Статья может быть интересна специалистам, работающим в области теории перевода, семиотики, теории коммуникации.

Ключевые слова: перевод, речевой знак, референция, смысл, прагматика, социокультурная окраска знака, смысловая редукция, контекст, дискурс.

Смысл – категория, в которой открывается речевая феноменология знака. Мы говорим о речевой, но не о языковой релевантности смысла. Смысл стоит за рамками структурной онтологии языка, которая, имея сущностный статус, в-себе самодостаточна. Смысл относителен, не самодостаточен, не имеет сущностной опоры в себе. Не имея собственной выразительной формы, смысл может проявить себя, лишь опираясь на внешний носитель, каковым является знак. Смысл и знак дополняют друг друга: внешнее (речевое) бытие каждого из них возможно не иначе как через противоположный момент. Знак осмысливается, а смысл вербализуется в речи. Каждый из них – необходимое условие фактуализации другого. Ни один

из них не становится фактом без опоры на противоположный момент.

В лингвистике отношение знака и смысла трактуется по принципу отношения базиса и надстройки. Семиотика языкового знака перерастает в семиотику речевого знака. Проводя функциональное разделение двух семиотик, Л. Ельмслев предлагает для наименования последней термин «коннотативная семиотика»: это – «...семиотика, план выражения которой является семиотикой» [4, с. 369]. Иначе говоря, языковой знак становится *означающим* смысла в речевом знаке. Коннотация трактуется как речевое бытие знака. Смысл развивает заложенную в знаке семантику, является её функциональным продолжением.

Смысл надстраивается и одновременно противопоставляет себя языковой функциональности знака. Под языковой функциональностью мы понимаем первичную семантическую функцию в знаке, каковой является референция. Задача референции – идентификация *объекта* при помощи ингерентной (т.е. языковой) семантики знака. Задача смысла – интерпретация идентифицируемого объекта с точки зрения контекстных и дискурсивных условий речевого узуса. Идентификация и интерпретация – два аспекта *понимания* реальности, которое осуществляется в знаке¹.

Коннотацию, означаемое речевого знака, часто берут недифференцированно, не видя её взаимодействующих уровней. Мы, отталкиваясь от функции референции, выделяем в сфере коннотации два рода смыслов: 1) смыслы, способные определять значение, и 2) смыслы, не способные определять значение. К первым относятся: предметно-логические смыслы, эмоция, оценка. Эти смыслы составляют содержание целенаправленной речемыслительной деятельности в познавательном и коммуникативном аспектах и, значит, имеют прагматическую природу. Эти смыслы – всегда рубеж, граница понимания в заданных контекстных условиях. В целом их можно считать рациональными. Составом этих смыслов очерчивается граница внутренней смысловой формы содержания в слове, в высказывании. Эти смыслы управляют развёртыванием текста в моменте перехода от высказывания к высказыванию. Ко второму роду смыслов относятся: стиль, различные этно-социо-культурные окраски, которые обнаруживает знак в речевом узусе. Эти смыслы можно назвать иррациональными. Они имеют эстетическую природу. Они органичны выражению, лишены функции истинностного отрицания и, значит, не могут быть границей понимания, не могут быть целью речемыслительной деятельности, т.е. неинтенциональны. Эти коннотации не управляют риторическим развёртыванием текста. Они скорее не цель, а метод понимания.

Первые смыслы являются контекстуализируемыми, за ними стоит контекстное отношение. Они подлежат истинностной интерпретации, контекстному обоснованию. Вторые стоят выше

контекстуализации, за ними стоит дискурсивная (лингвокультурная) ассоциация. Они не подлежат истинностной интерпретации, какому-либо рациональному обоснованию. Связь с дискурсом проходит по принципу внешней образной и выразительной ассоциативной аналогии. Дивергентно-дедуктивный принцип становления мысли в масштабе контекста совмещается с конвергентно-индуктивным принципом в масштабе дискурса. Одна интерпретация дополняет другую.

Перевод весьма показателен в том, что касается разграничения двух коннотаций – целенаправленной прагматической и нецеленаправленной дискурсивной. Дело в том, что как в обычной коммуникативной практике, так и в переводе прагматическая коннотация носит необходимый характер, вторая – избыточна. Это значит, что последнюю можно игнорировать (как, например, при общении можно не заметить или не понять стиль, шутку, образ, окраску речи и пр.). Игнорировать прагматическую коннотацию невозможно: это равносильно игнорированию смыслового предназначения речи.

Прагматика требует рефлексии (внешней различительной реакции), что является условием дальнейшего развития мысли в познавательном и коммуникативном аспектах. Эстетическая коннотация неинтенциональна, не предполагает рефлексии, в силу чего её можно назвать познавательным и коммуникативно неэффективной: она ничего не добавляет к пониманию объекта в познавательном плане², в коммуникативном плане она, в отличие от прагматики, не требует и не предполагает ответа. Эстетическая информация не подлежит верификации/фальсификации: её нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Она не подлежит экспрессивному усилению. В отличие от эмоции или оценки она лишена мотивации (т.е. возможности причинно-следственного обоснования). Эта информация не фактологична – в том смысле, что её нельзя рассматривать как внешнее событие в череде других событий. У неё нет атрибутов бытия, т.е. границ пространственно-временного представления. Эстетическая информация (образность, окраска) не несёт самостоятельного коммуникативного эффекта и лишь дополняет

¹ О двойственности феномена понимания говорит Г.-Х. Гадамер. Во всяком понимании следует учитывать два его аспекта – процесс и результат, интерпретацию и идентификацию. Один аспект необходимо переходит в другой [2, с. 452].

² «...эстетическая способность суждения ничего не даёт для познания своих предметов и, следовательно, должна быть приписана к критике выносящего суждение субъекта и его познавательных способностей в той мере, в какой они могут иметь априорные принципы...» [5, с.399].

ет коммуникативный эффект, производимый репрезентативной – предметной и прагматической – информацией.

Впрочем, не всё так однозначно во взаимосвязи прагматической и эстетической коннотаций в знаке, в тексте. В самом деле, прагматика перерастает в эстетику речи, т.е. в образность, в окраску речи. Мы отмечаем и наблюдаем это в любом масштабе речевого узуса (в слове, в высказывании, в тексте). Однако это перерастание может расширяться, принимать самодовлеющие формы. Возникает функциональная конкуренция между предметной семантикой и образом, в которой промежуточная роль принадлежит прагматике. В этой борьбе либо образ подчинён контексту, либо контекст образу. В какой-то момент образ, эстетика выражения берут верх. Прагматика перестаёт опираться на референцию и становится частью или функцией эстетики³. Мы как будто перестаём видеть реальность в знаке. Но, собственно, в этом и состоит задача художественного выражения. Образ, фигуры речи затрудняют восприятие мысли. Но этим же они обостряют это самое восприятие, замедляя его, останавливая внимание на каком-то частном моменте, увеличивая смысловой масштаб восприятия. Закон «затруднённой формы» (А.Н. Веселовский) и закон «остранения» (В.Б. Шкловский) идут рука об руку, дополняют друг друга. В.Б. Шкловский в своей работе «О теории прозы» говорит об «остранении» и о «законе затруднённой формы» как о двух универсальных приёмах всякого художественного выражения. См.: [9, с. 15]. Вот как описывает зимнюю морозную ночь над Днепром М.А. Булгаков:

“Последняя ночь расцвела. Во второй половине её вся тяжёлая синева, *занавес Бога, облегающий мир*, покрылась звёздами. Похоже было, что в неизмеримой высоте *за этим синим пологом у царских врат служили всенощную. В алтаре за-*

жигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами” (Белая Гвардия, 139).

Обратим внимание на последнее высказывание, в котором мы уже перестаём понимать, где находимся. Образная ассоциация (*занавес Бога, синий полог*) нарративно разрастается, берёт верх над реальностью: герой вдруг начинает видеть в морозном ночном небе очертания церкви, алтаря, лампад... Ночь (реальный объект описания) как будто пропадает.

Впрочем, закон «затруднённой /художественной/ формы» и закон образного «остранения», две составляющие эстетической функции выражения, подчиняющие себе в какой-то момент прагматику речевого знака, значимы не сами по себе. В своём предельном удалении от реальности они значимы как точки последующего возврата к этой самой реальности, лишь подчёркивая своим удалением амплитуду эстетического *катарсиса*⁴. Как бы далеко ни уходил образ от реальности, он должен вернуться в конце пути к этой самой реальности, порождением которой он, по сути, является. Образ затрудняет путь к референции, противостоит референции, но он не может победить, уничтожить референцию, потому что это означало бы его собственное поражение и смерть⁵. Окончательный отрыв от объекта чреват «расподоблением» образа и его «смертью»: образ перестаёт быть образом и превращается в обычную номинацию (см.: [10, с. 136, 146]). Внутренний алгоритм содержательной эволюции образа (любого по нарративной развёрнутости) всегда один и тот же: от реального к виртуальному (путь виртуализации) и от виртуального к реальному (путь катарсиса) (см.: [10, с. 69, 73-74, 137, 147]). Возврат к реальности совершенно необходим для образа. Образ существует как образ лишь на контрасте с реальностью.

³ В.Ю. Барбазюк иллюстрирует такое переподчинение контекста дискурсу на примерах нарративно-поэтического и нарративно-аллегорического развития метафоры в контексте. Метафора, нарративно расширяясь, превращается в пословицу (см.: [1, с. 134-142, 142-152]). Образное «остранение» в контексте имеет нарративную форму.

⁴ Катарсис (κάθαρσις) по-гречески означает «очищение» [8, с. 251]. Под этим обычно понимается нравственное очищение субъекта при восприятии художественной формы. Позиция объекта при этом не учитывается. Таким образом, форма и вместе с ней смысл, носителем которого форма является, выполняют исключительно субъективную функцию. Мы считаем такую трактовку недостаточной, односторонней. Важно учитывать объективную функцию формы. В этом аспекте она является символической. Символ всегда искажает, но он же открывает новую глубину понимания объекта. Иначе говоря, через форму и смысл очищается прежде всего объект. Путь к катарсису (эстетическому самоочищению) лежит исключительно через объект. Очищение субъекта происходит на почве объекта и вместе с объектом. Разгадать, увидеть объект сквозь символическую форму, пройти путь к подлинному через неподлинное – задача художественного восприятия.

⁵ О фундаментальном и принципиальном реализме всякой символики говорит А.Ф. Лосев, показывая это на примерах из мировой литературы. “История символа важна еще и потому, что она ясно обнаруживает всю невозможность чистой символики в её отвлечённом виде...” [6, с. 226]. А.Ф. Лосев подчёркивает «возможность и необходимость других методов анализа символики при условии сохранения общих реалистических позиций» [6, с. 307]. Символика прячет свои реальные (реалистические) основания, но она не может избавиться от них.

Эстетический эффект, бесполезный для целей познавательного действия, дополняет прагматику коммуникативного воздействия. В этом его высшее и, пожалуй, единственное рациональное предназначение. В самом деле, поэтическое качество текста – далеко не пустой звук для писателя, поэта, публициста. Каждый из них стремится как можно ярче, эффектнее подать свой текст, осознавая, что в нём он открывает себя и свою мысль другому. Впрочем, следует помнить: бесконечно удаляясь от предмета понимания, усиливая эстетическую окраску или расширяя образность речи, писатель или поэт лишь прокладывают новый, всё более изощрённый путь к всё тому же предмету понимания. Основой и конечной целью понимания является предмет – обозначаемая реальность. Любая форма ухода от реальности значима возвратом к этой самой реальности.

Следует спросить: куда, в какую область удаляется, уходя прочь от реальности, покидая почву предметной семантики в процессе эстетического «остранения» и усиливая этим прагматику коммуникативного воздействия, автор текста? Это область *дискурса*, область культурно-выразительного опыта используемой автором системы выражения. Эта область исторична и кумулятивна. В ней сосредоточена культурная память языка. Она – источник смысловой окраски и образности в феноменологии речевого выражения. Эта область не фактологична: *о ней* не идёт и вообще не может идти речь в единицах коммуникативного обмена (в высказывании, тексте). Она (в терминах теории Ф. де Соссюра) – значимость, но никогда – значение речевых единиц.

О поэтическом дискурсивно-значимостном восприятии языковых единиц говорит португальский лингвист Р. Лапа, называя это «внеконтекстным» их восприятием, видя в этом источник стиля, образности художественного выражения. Поэт видит слово не в контексте, а за рамками контекста: в культуре, в тотальности (“universo”) связанного с ним исторического опыта [11, с. 9-12]. Дискурсивное и контекстное восприятие слова противостоят друг другу. Впрочем, здесь нет конфликта. Это игра: игра контекста с дискурсом.

Знак, связанный с дискурсом, получает символические свойства. Без этой связи он – обычный речевой знак, ограниченный масштабом своих необходимых – предметно-семантической и прагматической – функций. Символическая

связь – связь внешняя, ассоциативная, случайная. В этой связи сталкиваются и взаимодействуют чуждые друг другу контексты: актуальный и исторический («воля» и «память» языка).

В основе стиля, социокультурной окраски лежит пассивная дискурсивная ассоциация. Актуальный контекст подчиняется дискурсу – по смыслу, по духу, по форме, являясь его продолжением. Он повторяет характеристики дискурса: жанровые, концептуальные. Дискурсивный контекст – априорная величина, он предзадан актуальному контексту. В основе образности лежит активная дискурсивная ассоциация. Говорящий привлекает чуждую контексту номинацию (образ) для решения контекстных смысловых задач. Человек очень активен в своём общении с дискурсом. «Недаром говорят, что язык это кладбище мёртвых метафор» [3, с. 17].

Прагматика, в порядке усиления функции коммуникативного воздействия, на какой-то момент переступает границу рационального и изменяет предмету понимания. Не предмет, а образ начинает руководить эмоционально-оценочным аспектом понимания. Говорящий увлекается воздействием как таковым, демонстрацией своего «я», чистой эстетикой выражения. Прагматика становится областью сотрудничества и борьбы между предметной и символической знаково-стью. Контекст и дискурс, предмет и образ – постоянно находятся в состоянии взаимного согласия и борьбы. Полем их встречи и взаимного компромисса становится прагматика. Прагматика – двойственный феномен. Она служит и объекту, и субъекту: и знаку, и символу. Но подлинным «портом приписки» прагматики в речевом знаке всегда и при любых условиях остаётся предмет – референциальная номинативная функция знака. Любая «измена» прагматики предмету понимания является лишь временной, в какой-то момент она «вспоминает» о своём рациональном происхождении и предназначении. Дискурсивная эстетическая ассоциация (образ, окраска) должна заканчиваться более глубоким, изменённым по смыслу пониманием объекта.

Предмет был и остаётся решающим критерием понимания любой формы выражения. Напротив, отсутствие предметного основания подрывает понимание, лишает понимание необходимой точки опоры. Самый запутанный образ, самая зашифрованная дискурсивная абстракция лишь провоцирует поиск предметного основания. Энигматика образа ускоряет путь катарсиса. Образ или стилистическая окраска тре-

буют внутренней расшифровки открывающейся в них дискурсивной ассоциации на язык прагматики и, наконец, на язык предметной семантики знака. Мы не понимаем образ или стилистику знака, если не видим, не представляем себе их предметную и/или прагматическую подоплёку. Путь понимания – это путь эксплицитации знака с «языка» дискурса на язык предмета мысли (т.е. язык в собственном смысле слова). Две стороны, трансцендентная и предметная, устойчиво связаны в речевой работе знака.

Именно такого рода редукцию, прагматическую и предметную, обычно нам показывает перевод. Сохранение дискурсивной ассоциации скорее необычный, чем обычный случай для перевода. Гораздо чаще переводчик идёт по пути внутренней расшифровки образа, т.е. по пути эксплицитации. В выборе между двумя мирами – виртуальным дискурсивным и реальным предметным – переводчик никогда не оставляет почву мира реального, почву предметного понимания знака.

Переводчик не может ошибиться в поиске и выборе внутренней точки опоры. Сетка смысловых зависимостей для него всегда упирается в предмет речи, который должен быть вскрыт, показан несмотря ни на какие коннотативные напластования. Рассмотрим, как переводчик «справляется» с образностью, опираясь на референцию.

(англ.): “For a writer who has donned the cloaks and wielded the daggers of assassins and spies for some 30 years, Frederick Forsyth seems almost to be running scared. Forsyth chose to be interviewed in the coffee shop of an upscale West London hotel where, like the best of his undercover agents, he drew no second glances as he strode, briskly through the lobby”.

Перевод: “Для писателя, который *вот уже в течение 30 лет на страницах своих романов воюет с армиями шпионов и убийц, с рыцарями плаща и кинжала*, Фредерик Форсайт выглядел несколько испуганно. Для своего интервью он выбрал кафе в фешенебельном отеле западного Лондона, в котором, как и большинство его тайных агентов, появился, не вызвав внимания уже присутствующих посетителей”.

В этом примере мы видим яркую развёрнутую образность с элементами иронии: понимать буквально выделенный курсивом оборот (“... a writer who has donned the cloaks and wielded the daggers of assassins and spies...”; досл.: «.../писатель, который/ облачается в плащи шпионов и

орудует кинжалами убийц...»*), думается, невозможно. Нетрудно понять, что речь идёт не о реальной жизни человека, а о его богатом писательском воображении, которое выплёскивается на страницы его произведений. Переводчик делает соответствующую референциальную поправку: «...на страницах своих романов...», что в данном случае вполне оправданно. Переводчик несколько усиливает образ («...воюет с армиями шпионов и убийц...»), повторяя известный литературный штамп: «...рыцарями плаща и кинжала». Автор оригинального текста, трудно этого не заметить, тоже имеет в виду этот штамп. Этот штамп имеет хождение как в английском, так и в русском литературном дискурсе, вызывая соответствующую смысловую ассоциацию (с элементом иронии). Для нас важно заметить, что переводчик не остаётся на уровне образа, а расшифровывает его, показывая в эксплицитной форме, какая реальность за ним стоит, снимая функцию образного «остранения». В английском аналоге автор не снимает «остранения», не расшифровывает свой образ: читатель должен сам догадаться, о какой реальности идёт речь, как к ней относиться. В этом примере мы видим случай, когда переводчику удаётся в основных чертах повторить образ в содержательном и в функциональном планах. Такое становится возможным в силу совпадения дискурсивных ассоциаций в культурно-выразительном опыте двух языков.

Пример английского заголовка с характерной культурной окраской:

(англ.): “China threat? Taiwan investors shrug”.

Перевод: “Тайванские инвесторы не очень обеспокоены угрозами со стороны Китая” (вариант: “Тайванские инвесторы не реагируют на угрозы Китая”).

Дословный перевод этого заголовка (*Китайская угроза? Тайванские инвесторы /в ответ/ пожимают плечами**) вряд ли приемлем, поскольку возникающая окраска не вполне адекватна русскому восприятию. Подавать в виде заголовка реплики диалога – не в стиле заголовков русскоязычной прессы. Это скорее в стиле рекламы. Переводчик, получается, игнорирует разговорную окраску (представленную образным словом *shrug*), не отвечающую русскому разговорному дискурсу, и обращается к референциальной стороне выражения, т.е. к реальному положению дел. Переводчик расшифровывает образ через референцию. Отметим: удаётся или не удаётся переводчику сохранить в том или ином виде

форму образного «остранения» (т.е. повторить образ), он в любом случае должен «приоткрыть дверь» к объекту понимания. Переводчик либо сам расшифровывает образ (что чаще и происходит), либо даёт ключ к расшифровке.

Характерный пример опущения образа, который «не работает» в другом языке, т.е. не вызывает тех же дискурсивных ассоциаций и по этим причинам не может быть буквально воспроизведен в ПТ.

(англ.): “(1) The great thing about Charlton Heston is that he becomes (1) *the megaphone* to get our message out, (2) *a message that is not being heard right now*”.

Перевод: (2) “Мы хотим быть наконец услышанными, и замечательно, что (1) голос Чарльтона Хестона даёт нам такую возможность” (пример из: [7, с. 127]).

В этом примере в ИТ мы видим лексический образ “*the megaphone*”, создающий ироническую окраску. Эквиваленты этому слову есть в русском языке: «мегафон», «рупор», но вряд ли они применимы в переводе, потому что в русском языке подобные номинации не переносятся на человека. Образная номинация “*the megaphone*” получает развитие в английском тексте: “*to get our message out*”. Далее автор поясняет, почему он называет Ч. Хестона “*the megaphone*”: дело в том, что “*our message... is not being heard right now*”. Смысл иронии в том, что Ч. Хестон – политический противник, который вдруг сказал то, что выгодно автору текста. Тот в иронической форме выражает ему похвалу, называя его в гиперболической форме «рупором своих идей». Мы видим, что уже в самом ИТ происходит референциальное «заземление» образа. Чем сильнее, ярче, сложнее образ, тем больше он требует контекстной экспликации. Сложность представляет и перевод элемента “*message*”, который также не поддаётся прямой референциальной расшифровке. Переводчик решает проблему путём смены ракурса описания ситуации в целом («мы хотим быть наконец услышанными»), после чего использование лексического аналога слову “*message*» становится излишним. Опуская образные номинации, переводчик стремится сохранить прагматику высказывания. В исходном тексте прагматика усилена через образ. В ПТ прагматика сохраняется без опоры на образ.

Характерный пример сохранения образной функции, но при этом смены семантики образа:

(англ.) “The financial and economic crisis of 1997 and 1998 *swept through East Asia like a tidal wave*”.

Перевод: “Финансовый и экономический кризис 1997-98 годов пронёсся по странам Юго-Восточной Азии как *опустошительный ураган*”.

Буквальное повторение семантики образа (*tidal wave* = *приливная волна*) здесь не передаёт той культурной смысловой окраски, которую мы видим в ИТ. Номинация «*приливная волна*» не вызывает той же дискурсивной ассоциации, которую вызывает в английском тексте «*tidal wave*». Волна не воспринимается как нечто разрушительное. Образ в ИТ усиливает прагматику. Ту же функцию выполняет другой по своей семантике образ в ПТ. Сохраняется смысловая функция, меняется семантика.

Ещё один пример, где возможны варианты с буквальным сохранением образа и с нейтрализацией образности, требующей предметной расшифровки образа:

(англ.) “Elections now have produced a *national mandate* for change, led by reforming clerics and by the elite of young professionals and academics, supported by the popular majority”.

Перевод₁ (с сохранением семантики образа): “Результатом нынешних выборов /в Иране/ стал *национальный мандат на осуществление реформ*, которые могут возглавить реформаторская часть духовенства, молодые интеллектуалы из профессиональных и академических кругов”.

Перевод₂ (с нейтрализацией семантики образа): “Нынешние выборы /в Иране/ ясно показали *стремление народа к переменам*, во главе которых могут встать реформаторская часть духовенства, молодые интеллектуалы из профессиональных и академических кругов”.

Вряд ли в каком другом контексте можно представить как тождественные такие номинации, как «национальный мандат...» и «стремление народа...». В данном контексте первая является образной, вторая – прямой, предметной. Первая по семантике стоит ближе к оригиналу и может быть названа буквальной. Вторая по своей семантике удаляет нас от оригинала и может быть названа трансформационной. Но в то же время она более эксплицитна, в большей мере раскрывает суть происходящего. Две номинации (образная и прямая) равны друг другу по своей прагматической контекстной функции. Обе решают одну и ту же прагматическую задачу: обе характеризуют, «что показали выборы». При этом большую близость к смыслу (к прагматической цели выражения) показывает прямая предметная сторона выражения (которую мы видим во втором варианте перевода). Переводчик экс-

плицирует смысл (прагматическую цель) через референцию. Образ менее эксплицитен (в силу связанных с ним дискурсивных условностей).

Всякий перевод референциально более эксплицитен, чем оригинал, и с большей точностью и ясностью раскрывает прагматику выражения – пусть даже за счёт потери образности. «Всякий перевод, всерьёз относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала» [2, с. 449].

Проведённый выше анализ показывает, что интерпретация в переводе есть функция внутренних взаимоотношений между референ-

цией, прагматикой и образом (дискурсивно-ассоциативной функцией выражения). При этом, в отличие от обычных условий коммуникации, в переводе интерпретация развивается не от референции к смыслу (к прагматике и далее к образу и стилю), а от смысла к референции. Смысл инвариантен, референция вариативна. Референции принадлежит решающая верифицирующая функция в переводе. В переводе вполне допускается смысловая редукция образа к прагматике и референции. Смысловая редукция прагматики невозможна.

Список литературы

1. Барбазюк В.Ю. Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации. Дисс. на соискание... канд. филол. наук, М., 2013. 180 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и Метод (основы философской герменевтики). М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое.// Метафора в языке и тексте (отв. ред. В.Н. Телия). М.: Наука, 1988. С. 11-26.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.// Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: изд.-во Иностранной литературы, 1960. С. 264-389.
5. Кант И. Критика способности суждения.// Кант Иммануил. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения. М.: Издательство «Э», 2018. С. 361-458.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 326 с.
7. Палажченко П.Р. Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М.: Валент, 1999. 236 с.
8. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
9. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 383 с.
10. Шнякина К.В. Дискурсивная динамика образных форм в языке и тексте (семиотический анализ английских и русских пословиц и метафор). Дисс. на соискание... канд. филол. наук, М., 2010. 163 с.
11. Lapa R. Estilística da Língua Portuguesa. Coimbra: Coimbra Editora Ltd., 1977. 302 p.

Сведения об авторе:

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО (У) МИД России. Сфера научных интересов: теория перевода, семиотика, семантика, теория коммуникации, грамматика португальского языка. E-mail: e-nickma@mail.ru.

COGNITIVE OPPOSITIONS IN TRANSLATION: FIGURATIVENESS – PRAGMATICS – REFERENCE

N.V. Ivanov

Moscow State Institute of International Relations (University),
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow 119454, Russia

The Abstract: *The article represents an effort to develop the method of cognitive analysis in translation and on this basis to identify inherent mechanisms and forms of equivalence in translation. The author looks into translation from the semiotic point of view taking the semiotics of sign in speech (the verbal sign seen as a speech act) as a basis of subsequent scientific scrutiny. In the structure of the verbal sign, sense and reference are opposed to each other. The reference accounts for the identification of the designated object in sign, while the sense needs to be reflected in interpretation. In terms of the sense of the verbal sign the author singles out: 1) elements of sense capable of determining the sign referential meaning, and*

2) *elements of sense which are not capable of doing it. According to this differentiation, equivalents in translation are analyzed. The author concludes that the interpretative relation in translation evolves in an inverse order: not from reference to sense, but from sense to reference. The reference is a variable aspect of translation and accounts for transformation, and the sense is an invariable aspect and the basis of translation. In order to preserve the sense, a translator introduces changes into the reference. Some examples of English-Russian translation are analyzed as cases of transition from figurativeness to pragmatics and to reference. The article may arouse interest of specialists in the theory of translation, semiotics and the theory of communication.*

Key Words: *translation, sign in speech, reference, sense, pragmatics, social and cultural shades in sign, cognitive reduction, context, discourse.*

References

1. Barbaziuk V.Yu. Smyslovoe razvitie metafory v tekstakh razlichnykh janrov: semioticheskiy i sinergeticheskiy aspekty interpretatsii [Cognitive Growth of the Metaphor in Texts of Various Genres: Semiotic and Synergetic Aspects of Interpretation]. Diss. ... kand. philol. nauk [Cand. Sc. Thesis], M., 2013. 180 s.
2. Gadamer H.-G. Istina i Metod (osnovy filosofskoy germenевtiki) [The Truth and the Method (Fundamentals of Philosophical Hermeneutics)]. M.: Progress, 1988. 704 s.
3. Gak V.G. Metafora: universalnoe i spetsificheskoe. [The Metaphor: specific and universal] // Metafora v iazyke i texte [The Metaphor in the Language and in the Text] (otv. red. V.N. Telia). M.: Nauka, 1988. S. 11-26.
4. Elmslev L. Prolegomeny k teorii iazyka. [Prolegomena to a Language Theory] // Novoe v lingvistike, Vyp. 1. M.: izd. Inostranoy Literatury, 1960. S. 264-389.
5. Kant I. Kritika sposobnosti sujudenia. [Critique of the Power of Judgment] // Kant Immanuel. Kritika chistogo razuma. Kritika prakticheskogo razuma. Kritika sposobnosti sujudenia. M.: Izdatelstvo "E", 2018. C. 361-458.
6. Losev A.F. Problema symvola i realisticheskoe iskusstvo [The Problem of the Symbol and the Realistic Art]. M.: Iskusstvo, 1976. 326 s.
7. Palajchenko P.R. Nesistematicheskij slovar' trudnostey, tonkostey i premudrostey angliyskogo iazyka v sopostavlenii s russkim [The Non-Systematic Dictionary of Difficulties, Subtleties and Intricacies of English vs Russian]. M.: Valent, 1999. 236 s.
8. Filosofskiy entsiklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary of Philosophy]. M.: Sovetskaia entsiklopedia, 1983. 840 s.
9. Shklovskiy V.B. O teorii prozy [On the Theory of the Prose]. M.: Sovetskiy pisatel', 1983. 383 s.
10. Shniakina K.V. Diskursivnaya dinamika obraznykh form v iazyke i texte (semioticheskiy analiz angliyskikh i russkikh poslovits i pogovorok) [Discursive Dynamics of the Figurative Means in the Language and in the Text (Semiotic Analysis of English and Russian Proverbs and Sayings)]. Diss. ... kand. philol. Nauk [Cand. Sc. Thesis], M., 2010. 163 s.
11. Lapa R. Estilística da Língua Portuguesa [Style in Portuguese]. Coimbra: Coimbra Editora Ltd., 1977. 302 p.

About the author:

Nicolay Viktorovitch Ivanov – Doctor in linguistics, full professor, Chief of Roman Languages Department, MGIMO University (Moscow, Russia), Spheres of scientific interest: theory of translation, semiotics, semantics, theory of communication, Portuguese grammar. E-mail: e-nickma@mail.ru.

✱ ✱ ✱